

Документ № 4

А.Н.КОЖАНОВСКИЙ.

Испания: этничность и регионализм.

Москва

1992

Материалы подготовлены по исследовательскому проекту "Национальности и государства: опыт регулирования межнациональных отношений в зарубежном мире" (рук.д.и.н.В.А. Тишков) в рамках общеакадемической программы фундаментальных исследований "Человек, наука, общество: комплексные исследования" (рук.акад.И.Т.Фролов).

При использовании ссылка на материалы обязательна.

Редакционная группа: В.А.Тишков (отв.ред.)

Н.А.Лопуленко

М.Ю.Мартынова

О.Д.Фаис-Леутская

ИСПАНИЯ: ЭТНИЧНОСТЬ И РЕГИОНАЛИЗМ

На первый взгляд, Испания сулит нам едва ли не идеальный материал для изучения "опыта регулирования межнациональных отношений". В нашей стране образ Испании традиционно включает в себя представление о ее многонациональности. Принято считать, что в Испании проживают на своих исторических землях несколько народов-этносов. Один из них - испанцы - исторически является господствующим или по крайней мере доминирующим, а прочие - каталонцы, галисийцы и баски - суть меньшинства, отстаивающие свою самобытность и борющиеся за равноправие в условиях национального угнетения и насильственной ассимиляции. Принимая во внимание уровень социально-экономического развития, во всех четырех случаях нередко говорят о нациях /соответственно испанской, каталонской, галисийской и баскской/, что обычно подразумевает особое язык и культуру, компактную этническую территорию, высокий уровень консолидации, ясное этническое самосознание. На созданных у нас этнических картах Европы четко обозначены границы расселения указанных этносов, в справочниках дается точная численность каждого из них; так, по данным наиболее, пожалуй, популярного среди специалистов-этнографов справочного издания в Испании к середине 1983 г. проживали 27000 тысяч испанцев /70,6% от всего населения страны/, 7000 тыс. каталонцев /18,3%/, 3100 тыс. галисийцев /8,1%/, 900 тыс. басков /2,4%/.

Как известно, после падения Второй республики в ходе гражданской войны 1936-1939 годов в Испании утвердился антидемократический режим генерала Франко, в результате чего страна оказалась на какое-то время в условиях довольно ощутимой политико-экономической и культурно-идеологической изоляции от остального мира. К концу 1950-х годов, еще в условиях диктатуры, экономика страны, строившаяся на принципах автаркии /то есть самодостаточности/ и довольно жесткого административного контроля, пришла в состоянии тяжелого кризи-

са, что вынудило власти начать радикальную перестройку хозяйственной жизни по рыночной модели (вопреки первоначальным идеологическим постулатам). Дело пошло настолько успешно, что уже в начале следующего десятилетия Испания выдвинулась в группу лидирующих стран капиталистического мира. При этом "отпущенная" экономика, бурно развиваясь, со все возрастающей силой воздействовала на все остальные области внутрииспанской жизни, - социальную структуру, миграционные процессы, культурные нормы, идеологию и т.д. Разрыв между новой социально-экономической реальностью и прежними политическими институтами увеличивался буквально на глазах, что вынуждало правящие круги жертвовать некоторыми формами управления и контроля - прежде всего, конечно, наиболее одиозными в глазах мирового общественного мнения. "Смягчение" режима, которое не нужно преувеличивать, но не стоит и недооценивать (так, в 1966 г. была отменена предварительная цензура), объективно подготовило общество к стремительной политической трансформации после 1975 года (когда умер Фр. Франко). Уже в 1977 г. прошли первые (с 1930-ых годов) свободные всеобщие парламентские выборы, с участием широкого спектра легализованных политических партий (около двухсот), а в 1978 г. была принята новая конституция страны, утвердившая, в частности, право на автономию для отдельных частей Испании. Возникновение в пределах границ испанского государства автономных образований было воспринято в нашей стране как практическое разрешение наиболее национального вопроса, - и соответствующим образом трактовалось на страницах советской научной и публицистической печати.

1986 год знаменовал собой вступление страны в НАТО и в ЕЭС.

Столь быстрое и удачное - т.е. вопреки ожиданиям очень многих экспертов по испанским делам в разных странах мира, без крови, мятежей, экономического хаоса, голода и обнищания широких масс населения - преобразование Испании заставляет отнестись к ее опыту с самым серьезным вниманием. И, конечно, объектом скрупулезнейшего анализа должна стать для нас национальная политика испанского государства.

Существует, однако, ряд обстоятельств, на которые нельзя не обратить внимания, приступая к задуманной работе. Во-первых, процесс автономизации в ходе постфранкистской реформы оказался значительно шире предоставления самоуправления Каталонии, Галисии и Стране басков. Он охватил все население Испании и всю ее территорию, так что к настоящему времени страна являет собою совокупность так называемых "автономных сообществ", общим числом - семнадцать. Здесь уместно их перечислить: кроме трех только что упомянутых, это /по алфавиту/ Андалусия, Арагон, Астурия, Балеарские острова, Валенсия, Канарские острова, Кантабрия, Кастилия - Ла-манча, Кастилия-Леон, Мадрид, Мурсия, Наварра, Риоха, Эстремадура. Во-вторых, при сопоставлении карты вновь созданных испанских автономий с привычной для нас этнической картой этой страны обнаруживается очевидное, хотя отнюдь не неожиданное для историка-испаниста, несовпадение: автономные сообщества Каталония, Галисия и Страна басков, возникшие как справедливый итог упорной борьбы не одного поколения их коренных жителей за признание своей этнической самобытности, не охватывают в каждом случае всей территории того этноса, с которым они обычно ассоциируются, а как бы делят этноязыковые ареалы с соседними автономными сообществами. Так, каталонцы /в Испании/ проживают еще в Валенсии, в восточной части Арагона и на Балеарских островах; галисийцы - на смежных с Галисией землях Астурии и Кастилии-Леона; баски - в северной части Наварры. Многочисленными рубежами вновь созданных автономных образований расчленена, соответственно, этническая территория "собственно испанцев".

Уже из этих двух обстоятельств с очевидностью следует, что в основу автономизации был положен отнюдь не этнический принцип. Но ведь становление автономных сообществ происходило в соответствии с демократической процедурой, заложенной в новой конституции, и имело своим источником инициативу местных выборных органов /поддержанную волеизъявлением населения посредством референдума - в том случае, если данная территория претендует на более быстрое обретение самоуправления/. Соб-

ственно, довольно острая политическая борьба между центральной администрацией и активистами местного самоуправления разгорелась по преимуществу именно вокруг вопроса о том, по какому из двух конституционных путей – более медленному, предусмотренному статьей 143, или ускоренному, соответствующему статье 151 – будет предоставлен автономный статус. Что же касается вопроса о том, как пройдут границы создаваемых автономных сообществ, то здесь – и для нас это очень важно – решающая роль принадлежала не правительству, а самим гражданам.

Мы оказываемся, таким образом, перед явлением, которое невозможно объяснить, исходя из постулата о сосуществовании и взаимоотношениях четырех народов-этносов. Уже одного этого, на мой взгляд, достаточно, чтобы по крайней мере усомниться в полной адекватности привычных для нас представлений об этнической ситуации в Испании, о сути национального вопроса в этой стране. А значит, необходимо выяснить, что же в действительности представляет собою население Испании с этнической точки зрения, какие народы там на самом деле проживают, какова направленность и динамика их этнического развития, каковы их взаимоотношения. Только на такой основе, очевидно, можно понять сущность национального вопроса в стране и связанные с ним события и процессы в различных сферах жизни испанского общества, оценить законодательное и практическое поведение государственной власти.

Практически у всех, а не только специалистов по Испании – на слуху такие, по сути дела, неотделимые от ее привычного образа слова, как Андалусия, Астурия, Арагон, Кастилия, Ламанча и т.д. – в значительной части уже упомянутые выше, когда перечислялись недавно созданные автономные сообщества. А между тем все это – обозначения так называемых регионов, или исторических областей страны, на которые она подразделяется. И чрезвычайно интересно, что едва ли не все наши исследователи "национального вопроса" на Пиренейском полуострове считают необходимым в связи со своей работой отметить значение фактора, который чаще всего в испановедческой литературе именуется региональным, или областническим. Еще в начале 1930-х годов

И.П.Трайнин, один из первых советских исследователей "национально-колониальной" проблематики Испании, отметил "живучесть "регионалистских" стремлений, имеющих глубокие корни в прошлом. Областничество и "местничество", питавшиеся гнетом феодальной монархии, и сейчас еще... поддерживаются сохранением пережитков феодализма и пренебрежительным отношением центральной власти к нуждам отдельных районов и городов".

Попытавшись выяснить, как оценивают этническую ситуацию в собственной стране испанские ученые-обществоведы, мы сразу обнаружим, что сделать это довольно затруднительно, и не столько из-за отсутствия в их среде единой точки зрения на интересующий нас предмет, сколько из-за большой трудоемкости отыскания в их исследованиях самого, так сказать, предмета. То есть, конечно, каждый из них имеет свое представление о том, кто населяет Испанию, но и сами эти представления, и критерии, из которых исходят наши коллеги, в большинстве своем мало согласуются с принятыми у нас. Прежде всего обращает на себя внимание, что многократно упомянутая выше четырехчленная концепция, при всей ее четкости и, казалось бы, очевидности, в работах испанских авторов практически не встречается /по крайней мере в привычном для нас виде/. Тщетно мы будем искать даже в обобщающих трудах ведущих испанских этнологов хорошо известный нам перечень, начинающийся с "собственно испанцев". Зато очень характерно, более того, типично для этнографической литературы такое, к примеру, распределение населения Испании по группам на основе обладания ими определенной степенью "культурной однородности": галисийцы, кантабрийцы /астурийцы и сантандерцы/, баско-наваррцы, леоно-кастильцы /Старая Кастилия/, эстремадура-кастильцы /Новая Кастилия/, арагонцы, каталонцы /с Балеарскими островами/, левантинцы /Валенсия и Мурсия/, андалусийцы.

Существует немало вариантов этой схемы, суть которой, однако, всегда остается прежней. На первом месте находятся

уже известные нам исторические области-регионы, которые могут быть сгруппированы так или иначе, их специфика может восприниматься как выраженная более или менее ярко, но в любом случае этносы /в нашем понимании/ даже не упоминаются. И что очень важно, именно региональные совокупности населения рассматриваются как "народы Испании". В одном ряду упоминаются практически всегда андалусийцы и астурийцы, галисийцы и валенсийцы, баски и каталонцы. А это означает, что известные нам "национальные меньшинства", во-первых, не выделяются качественно из других "народов" страны, а во-вторых, сами, подобно этим "народам", рассматриваются как региональные общности, как население исторических областей Каталония, Галисия, Страна басков.

Однако, понятие "этнического" не чуждо испанским исследователям. Напротив, они широко пользуются им, в наиболее известных работах, в том числе и последнего времени, можно найти указание, что "этноя" / — одна из основных категорий в этнологии, при том, что "этноя" понимается ими как "локализованная культурная общность", осознающая свою особую сущность и свое отличие от других общностей того же ряда. И вот как они используют эту категорию по отношению к населению собственной страны: "В каждой стране, где существуют этнические отличия, каждая этническая группа обычно обозначает себя определенным названием". В Испании, например, себя определяют как этнии — баски, каталонцы, кастильцы, андалусийцы, галисийцы, астурийцы, мурсийцы, валенсийцы, канарцы и др." Каждая из них отличается специфическими чертами, в том числе языком; если же речь идет об одном языке, например, кастильском, то своеобразие "этнических общностей" выражается в каждом случае в особом способе говорить на нем.

Еще более определенно он высказывается в другой своей работе, где прямо пишет, что "в Испании концепция "исторического региона" эквивалентна этническому подразделению".

Примеров подобного рода для характеристики взглядов

испанских авторов можно было бы привести сколь угодно много. Небезынтересен в этой связи и взгляд со стороны, в данном случае – французского автора: "У испанцев – две родины: большая /Испания/ и малая /его земля/; эта последняя и принимается в расчет в конечном счете". "Они сверхчувствительны во всем, что касается малого сообщества, и не придают никакого значения проблемам или нуждам других групп, которые составляют остальную часть страны", и т.д. По его мнению, испанцев можно назвать шовинистами, как и французам, поскольку они все свое предпочитают чужому, но если для французам свое – значит французское, то есть относящееся к Франции в целом, то для испанцев свое – это региональное, местное, даже квартальное. И здесь же наш автор предостерегает от искушения переоценивать общность языка: "Но не спутайте каталонца с мальоркинцем, иначе сойдете за неграмотного" /напомним, что в Каталонии и на Мальорке говорят на одном и том же языке – А.К./; ведь даже в пределах региона надо различать выходцев из разных провинций. Те же мальоркинцы настаивают... на праве отличаться от каталонцев, а кроме того, в пределах Балеар существуют большие отличия между жителями разных островов и обостренное ощущение дистанции между ними.

В социологических исследованиях последних лет, авторы которых выясняли особенности самосознания населения Испании, этническая принадлежность / в нашем понимании/ опрашиваемых даже не фигурирует в ряду предложенных вариантов самоотожествления. Это само по себе симптоматично и является существенной, хотя и косвенной, характеристикой ситуации.

При опросе, проводившемся во второй половине 1970-х годов выяснилось, что значительная часть испанских граждан, даже находясь за границей, отождествляет себя с родным регионом, провинцией или ее подразделением (комаркой). Однако этот показатель довольно сильно колеблется /от 64% у выходцев из Страны басков до 11% в среде уроженцев Леона/. В пределах же своего отечества локальное самосознание абсолют-

но доминирует, будь то в региональной /чаще всего/ или других формах /"арагонцы", "астурийцы", "меноркинцы", "севильцы", "таррагонцы", "ориуэльцы" и т.д./, тогда как на долю ощущающих себя "испанцами"/то есть принадлежащих к сообществу граждан Испании в целом/ приходится лишь несколько процентов. Иными словами, с общегосударственным самосознанием ощутимо соперничает именно локальное – но не этническое, как можно было бы предполагать при обычном у нас понимании "национального вопроса" в Испании.

Примечательны и ответы анкетированных на вопрос о степени близости для них уроженцев различных регионов Испании: здесь нет безусловного предпочтения "братьев" по языку и генетическому происхождению /а значит, по нашим представлениям, и этносу/ всем остальным. Так, хотя на Балеарах Валенсия и валенсийцы указываются как наиболее близкие, но уже Каталония и ее население занимают соответственно только четвертое–седьмое места; жители Валенсии помещают "единокровных" соседей из Каталонии и балеарцев – на третье и четвертое места, после испаноязычных уроженцев Андалусии и Мурсии; наконец, для опрошенных обитателей Каталонии иноязычные андалусийцы /а для барселонцев еще и баски/ оказались более приемлемы, чем валенсийские и балеарские соседи, говорящие на том же языке, что и они сами.

Примерно такую же картину дают регионы "собственно испанского" ареала, жители которых говорят на кастильском языке. Ни в одном из них опрошенные явно не руководствовались в своих ответах соображениями "этно-языкового родства", так что для астурийцев, например, "этнически чуждые" галисийцы оказались ближе обитателей соседнего Леона, а баски – жителей Арагона, Эстремадуры и Мурсии: мурсийцы предпочли говорящим на том же языке уроженцам Арагона, Эстремадуры и Астурии представителей "национальных меньшинств" из Валенсии, Галисии и с Балеарских островов, и т.д., и т.п.

Итак, изучение этнической ситуации в Испании не только не подтверждает идеи бытования и взаимодействия в стране

четырёх народов-этносов, выделенных по лингвистическому признаку /"собственно испанцев", каталонцев, басков и галисийцев/, но и наглядно демонстрирует малую значимость этнического фактора в общественных отношениях в среде местного населения, что не даёт, как представляется, оснований для описания последнего как совокупности этносов. Вместе с тем мы можем говорить о народах, принадлежность к которым определяется самосознанием индивидов и соответствует дихотомии "свой-чужой" /"свой" - все, кто принадлежит к данному народу, остальные - "чужие"/. Однако в определении принадлежности те признаки, которые мы назвали бы этническими, повсеместно оказываются не самыми существенными и подчиняются другим, доминирующим, сводящимся в конечном счёте к связи с данной областью, регионом или его частью. Языковая же и "этнографическая" близость и даже идентичность сами по себе ещё не означают, судя по всему, общности в глазах подавляющего большинства населения.

Таким образом, если быть последовательным, то придётся, очевидно, признать, что перед нами - народы, которые в то же самое время не являются этносами. Нельзя не видеть, что такой тезис полностью противоречит нашей собственной этнонациональной действительности, и более широко - представлению об универсальности народов-этносов, что он расходится с известным постулатом о том, что человечество является собой совокупность этносов /точнее этникосов/, и, следовательно, каждый человек всегда и всюду является представителем определённого этноса /на более привычном для нас языке - обязательно имеет определённую "национальность"/, - но зато он /тезис/ не противоречит мало кем, пожалуй, оспариваемой сейчас точке зрения об этническом самосознании как наиболее существенном, интегрирующем, ключевом признаке этноса.

Только теперь, представляя себе основные черты этнической ситуации в Испании, мы можем непосредственно обратиться к нашей теме. То обстоятельство, что статус внутреннего самоуправления получили здесь так называемые регионы,

или исторические области, полностью соответствует реалиям этой страны. Ведь в делении на регионы отразилась история образования испанского государства: многие из них в свое время были самостоятельными или полусамостоятельными государствами, которые одно за другим включались в состав единой испанской монархии, доминирующую роль в которой играла Кастилия. Присоединение каждого из нынешних регионов к испанскому государству в период средневековья становилось, по сути дела, началом борьбы за сохранение тех условий, на которых данный регион /королевство, графство, эмират и т.д./ и был присоединен и которые первоначально гарантировали ему весьма большую степень самостоятельности в решении своих внутренних дел и в отношениях с центральным правительством, в том числе "...свои законы и обычаи, различные монетные системы, военные знамена разнообразных цветов и свою особую систему налогового обложения"; в некоторые из этих областей должен был самолично приезжать каждый новый испанский король после вступления на престол, с тем, чтобы подтвердить свою обязанность соблюдать местные вольности.

Специфика Испании выразилась в том, что "местная жизнь" здесь оказалась в основе своей неодолима, и даже в XIX в. можно было с полным правом говорить — как это делает, к примеру, К.Маркс — об отсутствии единообразия в развитии общества, мало того, о "независимости" отдельных провинций и муниципий, составлявших страну, в результате чего абсолютная монархия здесь лишь внешне была схожа с другими европейскими, а на деле Испания являла собою, по ее знаменитому определению, "скопление дурно управляемых республик с номинальным сувереном во главе".

Горячая приверженность к своей "малой родине" с неизбежностью оборачивалась противопоставлением себя всем прочим, отчуждением не только от Центра, но и от населения всех других областей страны. Примеров тому, как "локальный патриотизм" оказывался выше политических и партийных интересов — не счесть в испанской истории, он густо пропитывал и

сферу бытовых отношений. Вот как русский путешественник прошлого века пишет о стереотипах, обнаруженных им в среде жителей полуострова: "...с самого приезда в Испанию я заметил, что все провинции /речь идет о регионах - А.К./ здесь друг с другом на ножах. Валенсийцы - бандиты и мошенники, андалузцы - лгуны, гальего /галисиец - А.К./ - животное, больше других похожее на человека, арагонцы - грубы и глупы, баски - невежды и фанатики, манчего /жители Ламанчи - А.К./ - воры и т.д...." И далее: "Только земляк считается соотечественником, остальные - иностранцы, к которым относятся враждебно или свысока, смотря по провинции". По словам другого нашего соотечественника, посетившего страну со-рока годами ранее, "в Испании более, нежели в какой-либо стране Европы, каждая провинция подсмеивается над другой, и о каждой ходит в народе особенная поговорка..."

Приоритет областного начала настолько врос в сознание жителей Испании, что последние не могут глядеть на самих себя иначе, как через призму локальной /чаще всего региональной/ принадлежности. Подобно тому, как в нашей гуманитарной науке, при рассмотрении культурно-языковых процессов в среде испанского населения, оно априорно подразделяется на четыре этноса, - в аналогичной исследовательской деятельности наших иберийских коллег столь же естественно проводится региональный подход. Научный принцип здесь явно оказывается лишь отражением господствующих в обществе обыденных представлений.

Это хорошо видно даже в типичном словоупотреблении. Его интересная особенность в Испании состоит в том, что в тамошней литературе постоянно отождествляются названия той или иной области и ее населения. Испанский автор может написать о "Наварре в совокупности народов Испании", о "басках, андалусийцах, Валенсии, Эстремадуре и других народах", о "нации-Испании", "национальности-Каталонии" и т.д., то есть употребить в одном ряду различные, по своей сущности (с нашей точки зрения) понятия. И дело здесь отнюдь не в неряшливости, а в том, что в сознании жителя

Испании общность /народ, национальность, нация и т.д./ только и создается той землей, на которой данная общность проживает, и неразрывно связана с нею. Заметим здесь, что в самом кастильском языке, как, впрочем, и в каталанском, одним и тем же словом - /по-каталански - / - обозначается и народ, и селение.

Сказанное выше объясняет различное смысловое наполнение одних и тех же терминов у нас и в Испании. "Испанцы" для нас - крупнейший по численности и политически доминирующий в стране народ-этнос; в самой Испании это же слово не имеет этнического характера, означая принадлежность к общегосударственной общности. В значительной степени именно поэтому для обозначения испанского языка внутри страны чаще употребляется название "кастильский" - тем самым как бы подчеркивается, что другие языки, на которых говорит местное население, столь же "испанские", как и тот, который обычно так называют во всем мире. Кастильско-язычное население разных районов вовсе не воспринимается в общеиспанском контексте как единое целое, не осознает себя таковым и не имеет, естественно, соответствующего самоназвания. Точно так же термины "каталонец", "галисиец", "баск" в большинстве случаев и для подавляющего большинства населения указывают на принадлежность к соответствующей региональной группе, хотя, справедливости ради, нужно сказать, что есть сторонники и у "языково-генетической", так сказать, внерегиональной концепции, в основных чертах совпадающей с общепринятой у нас; однако до сего дня она не пользуется поддержкой сколько-нибудь широких кругов местных жителей, которые воспринимают ее как своего рода крайность. Так, по данным социологического опроса населения Каталонии в 1979 г., когда выяснилось, какие условия нужны для того, чтобы человек мог считаться каталонцем, лишь 33,3% опрошенных сочли обязательным знание каталанского языка. Зато в пользу утверждения, что для этого требуется жить и работать в Каталонии, высказались 56,5%, а "происходить из семьи местных жителей" - 82,4%.

Необходимо сказать и о том, что содержание термина "нация" в Испании соответствует представлению о ней как о высшей степени организации общности, дающей ей право на собственное государственно-политическое представительство в мире. Перед нами, очевидно, отражение давней концепции "нации-государства", бывшей одним из политико-идеологических постулатов франкизма, но внедрившейся на испанскую почву задолго до него и продолжающей бытовать и поныне. В соответствии с этим нераздельным качеством нации обладает вся совокупность испанских граждан; соответственно, попытки какой бы то ни было группы внутри страны заявить о своем "национальном" статусе автоматически трактовались как сепаратизм, подрыв общенационального единства, претензия на политическое обособление, и, кстати, не без оснований, поскольку внутригосударственные "националисты" обычно вкладывали в данный термин то же самое содержание. Именно поэтому в ходе принятия соответствующей конституционной статьи было отвергнуто предложение охарактеризовать "испанскую нацию" как образование, включающее другие нации, как "нацию наций". Термин же "национальности" вызвал едва ли не наибольшее количество споров и возражений. Не столько из-за его неопределенности и беспрецедентности в испанской законодательной традиции, сколько из-за его синонимичности в глазах очень многих испанских граждан термину "нация". То есть и то, и другое слово подразумевают возможность покушения на государственную целостность, что для значительной части населения представляется совершенно нетерпимым.

Тем не менее в той же статье конституции, в которой говорится о "нерушимом единстве испанской нации", признается и гарантируется право на автономию не только "регионов", но "национальностей". Казалось бы, в этом можно-таки усмотреть признание двух начал - регионального и национального /этнического/. Но, во-первых, "национальности и регионы" по тексту формулировки составляют "испанскую нацию", а во-вторых, в конституции отсутствуют не только конкретные ука-

зания на то, каковы же упомянутые здесь "национальности", но и критерии их сущности и отличий от "регионов" /точнее, конечно - региональных общностей/.

Таким образом, столь важный, казалось бы пункт оказался вне Основного закона, а это значит, что его предлагается решать самим автономным сообществам, в соответствии с их собственным мнением о том, представляют ли они собой национальность, и что они, собственно, собой представляют.

О том, как этот вопрос решился к началу 1980-х годов, мы можем судить по текстам статусов вновь созданных автономных сообществ. В соответствии с ними, "национальностями" провозгласили себя "народы" Страны басков, Каталонии, Галисии, Андалусии, Валенсии. Практически во всех остальных случаях местные конституции определяют население своих автономий как "народы" - региональные общности, хотя характеризуют их по-разному. В ряде документов подчеркивается включенность в состав "испанской нации" /наваррцы, эстремадурцы, баlearцы, леоно-кастильцы и др./, в других - нет. Нередко говорится об исторической сущности регионального единства, исторически обусловленном своеобразии. Наконец, в статусе Балеарских островов, наряду с указанием на особый облик народа архипелага, мы встречаем определение его как межостровной общности, основанной на сотрудничестве составляющих эту общность народов отдельных островов, а также намерение местных властей способствовать развитию "общих черт национальности" в ее среде.

Нужно сказать, что конституция не предусматривает для общности, провозгласившей себя "национальностью", каких-то преимуществ перед другими. При том, что темпы и пути достижения автономии для разных регионов предполагались разные в зависимости от исходной ситуации, конечный результат процесса автономизации должен оказаться примерно единым для всех, так что статусы "национальных" и прочих регионов не будут принципиально различаться.

Правда, в послефранкистских правительственных постанов-

лениях предусматривалось предоставление автономии в первую очередь Каталонии, Стране басков и Галисии, без особых обращений с их стороны и в самых широких пределах. Не потому, что речь шла об особых этносах, а только по той причине, что в прошлом / то есть в период Второй республики / их жители уже проголосовали за автономные статусы, и сейчас требовалось, таким образом, лишь восстановление поправленной исторической справедливости.

Из всего сказанного, на мой взгляд, следует, что, говоря о так называемом "национальном вопросе" в Испании, мы обычно невольно упрощаем и искажаем ситуацию, ибо фактически вычленим из целостной картины имеющего многовековую историю процесса взаимоотношений центра и периферии один фрагмент, который традиционно истолковываем как борьбу угнетенных этносов за свое освобождение. Но субъектами-носителями центробежной тенденции здесь всегда выступали не этносы, а ущемленные региональные общности. Каталония, Страна басков и Галисия - лишь наиболее политически активные среди них. По мнению известного американского ученого, баски и андалусийцы, например, различаются не степенью своеобразия той культуры, которой обладает каждый из этих народов, а продолжительностью времени, в течение которого элементы этой культуры закреплялись в самосознании - как обоснование попыток добиться региональных политических прав или удержать их.

Конституция Испании не содержит никаких упоминаний об этнических /национальных/ общностях или этнических /национальных/ различиях населения страны - в привычном для нас смысле. Статья 14, провозглашающая равенство всех граждан перед законом, запрещает их дискриминацию "по мотивам рождения, расы, пола, вероисповедания, изъяснения своего мнения или по каким-либо условиям или обстоятельствам личного или социального характера". Как видим, столь важный в нашей гражданской практике пункт "национальность" здесь даже не упомянут. Нет его (в значении этнической принадлежности) и

в документах, удостоверяющих личность гражданина Испании.

Испанские законодатели не считают нужным вводить этническое /национальное/ начало ни в политическую, ни в гражданскую сферы, не пытаются делить всех обитателей Испании на этнические общности и закладывать это деление в административно-политическое устройство страны. Но нельзя не отметить, что тем самым изначально отсутствует возможность официального разграничения на представителей "коренных" и "некоренных" народов, то есть столь знакомая нам претензия на то, чтобы на основании одной лишь этнической принадлежности распределить все население страны, без исключения, на тех, кто живет в пределах "своих" территорий /административно-политических образований/, тех, кто живет вне этих пределов, то есть не на "своей", а на "чужой" земле, и, наконец, тех, кто, также живя на "чужой" территории, и вовсе не имеет "своей земли" в государстве, где зачастую родились не только сами эти люди, но и многие поколения их предков. Нет места для попыток провозгласить право на политическое самоопределение народов (этносов), практически вряд ли реализуемое, но в самой постановке содержащее крайне негативные для человеческого общежития последствия, что уже показали события в мире, в том числе, к сожалению - и в нашей стране.

Насколько же удовлетворено оказалось местное население прошедшей административно-политической реформой? Прежде всего, выяснилось, что региональные и другие территориальные общности-народы Испании не есть нечто неизменное, раз и навсегда заданное историей, так что с незапамятных времен и до настоящего времени существует совершенно определенное количество сплоченных и противостоящих друг другу совокупностей населения. Сам характер земляческих общностей, очевидно, предполагает и иерархичность, и в зависимости от обстоятельств на первом плане может оказаться тот или иной уровень. Комаркальное, провинциальное, островное и т.п. самосознание повсеместно соперничают с реальным. Соотношение их находится в непрерывной динамике, что и стало очевидным

при создании автономных сообществ, когда от общепризнанных, "привычных" регионов неожиданно "отпочковались" некоторые территории, население которых реализовало таким образом свое самосознание на данный момент; другие же области объединились. Вот почему на карте страны в начале 1980-х годов появились автономные сообщества Риоха и Кантабрия /выделившиеся из Старой Кастилии/, Мадрид /из Новой Кастилии/, а с другой стороны - Кастилия-Леон и Кастилия-Ламанча. Вместе с тем, кое-где сторонникам самостоятельного автономного статуса не удалось добиться своего. Так, уже длительное время ведется довольно-таки упорная борьба против "вальядолидского централизма" /кастильский город Вальядолид стал столицей кастильско-леонской автономии/ со стороны части леонского населения, возглавленной алькальдом города Леона - за выход и собственный статус. События, связанные с движением "леонистов", включают марши на Вальядолид, срывание "сепаратистами" флагов общества во время торжественных церемоний - и множество других, часто скандальных акций.

Если в данном случае очевидно, что о межэтническом конфликте говорить не приходится, то в других случаях его можно было бы усмотреть. Так, в 1986 г. обитатели городка Ориуэла - "столицы" местности Вега Баха, на крайнем юге автономной Валенсии, с числом жителей около 45 тыс. человек - независимо от социальной, профессиональной и политической принадлежности /от муниципальных чиновников до монахов и от фалангистов до коммунистов/, на массовых митингах и демонстрациях требовали отделения от Валенсии и присоединения к соседней Мурсии. Апогеем движения стала всеобщая забастовка, парализовавшая город. Участники волнений обвиняли валенсийские власти в пренебрежении к насущным местным проблемам /отсутствие больницы, постоянное затопление улиц при разливах реки и т.д./, и среди прочего - в навязывании валенсийского /то есть каталанского - А.К./ языка в школах, где обучение ему, по их мнению, должно быть сугубо добровольным. Однако не стоит усматривать тут протест здешних "собствен-

но испанцев" /предки которых перешли с каталанского языка на кастильский в XVIII в./ против их ассимиляции "каталонцами". Языковой вопрос для местных жителей, судя по их опубликованным в печати высказываниям, далеко уступает всем остальным, а главное – в этом краю традиционно, не одно столетие, бытует поговорка: "Сыновья Ориуэлы – не мурсийцы и не валенсийцы, а ориуэльцы". В полном соответствии с ней один из членов городского управления заявил в интервью, что движение стимулируется не стремлением стать мурсийцами, а нежеланием оставаться валенсийцами...

Наконец, аналогичный пример с наиболее "низкого" /административно/ уровня. Жители одного из селений Кантабрии выразили желание выйти из ее состава и присоединиться к соседней Стране басков. Причина – опять же пренебрежение региональных властей к экономическим, санитарным и другим проблемам местного населения. Сельский муниципалитет – аюнтаменто, – в соответствии с волей избирателей, принял соответствующее решение. Самое, пожалуй, интересное для нас здесь то, что обитатели селения, говорящие в быту по-баскски, обладающие, по словам репортеров, сильным ощущением близости к жителям Бискайи, тем не менее и по их собственным представлениям, и во мнении окружающих остаются пока кантабрийцами /среди них есть и члены Кантабрийской регионалистской партии/, и "станут басками", как написано в посвященной конфликту статье, только если будет выполнено их требование.

Право окончательного вердикта по перечисленным и подобным им ситуациям принадлежит Конституционному суду и другим предусмотренным законом инстанциям. Очень важно, что все эти и им подобные "споры о границах", точнее – об административном подчинении, нигде не являются следствием межобщинной розни, ущемления культурной или языковой самобытности одной группы со стороны другой, – и не превращаются в такого рода рознь.

Мне кажется, что на примере вопроса об "этнотах" и "ре-

гионах", "нациях" и "национальностях" мы убедились в том, что нынешняя испанская конституция по-своему довольно адекватно отражает состояние интересующего нас вопроса. Это и неудивительно, если принимать в расчет время и обстоятельства появления Основного закона страны: испанская "перестройка" требовала выявления, гласного обозначения и, конечно, решения реально существовавших проблем, что и попытались сделать новые законодатели. Поэтому мы не обнаруживаем в тексте этнических общностей, зато находим региональные, с признанием их права на автономию, детальной разработкой механизмов осуществления этого права и подробным перечнем прерогатив новых самоуправляющихся образований и их отношений с Центром.

Столь же актуальными, судя по общеиспанским и региональным конституциям, являются проблемы языковые. В Основном законе говорится об испанском /кастильском/ языке как об официальном государственном, который обязаны знать и которым имеют право пользоваться все граждане /ст.3, § 1/, но тут же следом идет указание, что, во-первых, "другие языки Испании также являются официальными в соответствующих автономных сообществах", а во-вторых, - "богатство различных языковых оттенков Испании является культурной ценностью, пользующейся особым уважением и защитой" /ст.3, § 2,3/.

В "Резолюции по Испании", принятой на Восьмом международном конгрессе в защиту языков и культур, находящихся под угрозой /состоявшемся в Барселоне 23-25 июля 1978 г./, говорится, что языками этой страны, помимо кастильского, являются каталанский, галисийский, баскский, бабле /астурийский/, арагонский, окситанский /аранский/, романи /кало/ и португальский".

Приведенные выше конституционные положения относительно языков реализуются следующим образом /по тексту автономных статусов/. В Каталонии и на Балеарских островах статус официального, наряду с кастильским, имеет каталанский язык. В Валенсии - "валенсийский". В Галисии - гальего/галисий-

ский/. В Стране басков, естественно – баскский /эускера/. В кодексе законов Наварры предусмотрено, что "баскский язык также будет иметь характер официального в баскязычных зонах Наварры. Форальный /местный, основанный на историческом праве – А.К./ закон определит эти зоны, упорядочит официальное употребление баскского языка и, в рамках общего государственного законодательства, установит обучение этому языку". В каталонском законодательстве оговорено, что "аранская речь" является объектом изучения, особого уважения и защиты; в астурийском – что местный бабле "заслуживает защиты", при этом "будет поддерживаться его использование, его распространение в средствах массовой информации и в обучении, всякий раз – с уважением к его местным вариантам и с соблюдением добровольности в его изучении", – и т.д. и т.п.

Налицо, таким образом, стремление на официальном уровне учесть интересы и закрепить права носителей всех бытующих в Испании языков. Достаточно широко известно, что в годы франкистской диктатуры ситуация была совсем иной. Повсеместно и абсолютно господствовал кастильский язык, тогда как все прочие формы речи разрешалось употреблять в только бытовой сфере. Попытки выйти за ее пределы расценивались – особенно в первый период после гражданской войны – как посягательство на "единство нации" и государственную безопасность, – вплоть до того, что, к примеру, подвергались уничтожению баскязычные надписи на могильных плитах, а люди, слишком громко разговаривающие между собой по-каталански в общественном месте, могли быть задержаны стражами порядка. В дальнейшем ситуация понемногу смягчалась, но господствующее положение кастильского языка практически во всех сферах общественной жизни страны в основе своей сохранялось. К началу 1960-х годов, когда в разных регионах страны обозначился и стал набирать силу и влияние процесс возрождения местных языковых форм, где с меньшей, а где с большей степенью интенсивности наполнявшейся политическим содержанием,

-положение "неофициальных" языков было весьма плачевным. Например, "средний валенсиец" практически не умел ни читать, ни правильно писать на своем родном языке. От последнего отказались, по свидетельству современников, не только интеллигенция и властимущие, но и немалая часть народа. В отношении оставшейся части также не следовало питать иллюзий, и было бы ошибкой считать, скажем, земледельцев более приверженными родному языку из-за того, что они сохраняли его в быту: это значило лишь, что они "не имели случая отказать от него". Отмечалось, что крестьяне, говорившие на валенсийском у себя в селении, за его пределами немедленно переходили на кастильский. Да и сами призывы к языковому возрождению в то время строились таким образом, что становились очевидными непрестижность валенсийского языка, его низкий социальный и культурный статус...

Сходным образом обстояли дела в Галисии. Прошедший здесь в 1979 г., то есть после двух десятилетий целенаправленной деятельности энтузиастов гальего опрос продемонстрировал, казалось бы, более чем благоприятное положение галисийского языка в регионе: 100% опрошенных заявили, что понимают его, 94% - что могут говорить. Но дело в том, что с отчетливо выраженной языковой спецификой вполне уживался взгляд на гальего как на "испорченный кастильский", то есть "низший", язык некультурных бедняков, и такой взгляд разделяли самые широкие слои местного населения. Повсеместно принято было писать письма на "более престижном" кастильском языке. Мало того, когда в 1960-е годы появилось официальное разрешение Ватикана вести церковную службу, взамен латыни, на местных языках, гальегоязычная паства во многих случаях высказывалась за более авторитетный, хотя нередко едва понятный кастильский. Галисийцы в массе своей ориентировались на кастильский язык и - шире - кастильскоязычную культуру, что во многих случаях принимало характер отрицательной самооценки. Так, эмигранты-галисийцы во Франции оказались единственной региональной группой среди вы-

ходцев из Испании, кто стопроцентно высказался /в 1960-е годы/ за обязательное обучение своих детей кастильскому языку /при том, что среди самих кастильцев таких было 92%, среди прочих - намного меньше/.

Известно, что нередко в семьях, где гальегоязычные родители лучше владели кастильским языком, они старались, сохраняя для общения между собой галисийский, говорить с детьми на официальном языке государства, - ситуация, совершенно аналогичная зафиксированной в свое время в Валенсии.

На валенсийском и особенно галисийском материале хорошо видна одна из проблем, с которыми столкнулись деятели лингвистического возрождения: "непрестижность" местных языков в сравнении с кастильским, их очень низкий социально-культурный статус, - и, соответственно, безразличное или недостаточно заинтересованное отношение значительной части местного населения к попыткам повысить этот статус. Вместе с тем в таких регионах, как Страна басков и Каталония, приверженность местным языкам и, соответственно, их престиж были достаточно высоки. Но здесь существовала другая проблема, тесно связанная с массовыми внутрииспанскими миграциями. Последние значительно усилились на рубеже 1950-х - 1960-х годов, когда включились механизмы трансформации социально-экономической структуры испанского общества, начался мощный подъем хозяйственной жизни страны, вызвавший приток самодельного населения из сельского хозяйства в индустрию и сферу обслуживания, из внутренних менее развитых районов - в окраинные, прибрежные и передовые в промышленном отношении. В числе последних, как известно, издавна лидировали Каталония и Страна басков, а в ходе упомянутой экономической модернизации мощный стимул для развития получили все та же Валенсия и Балеарские острова. В результате в исторически баскско-и каталаноязычных ареалах ощутимо росла доля кастильскоязычных мигрантов. По опросу 1979 г. приезжие, постоянно живущие в Стране басков, составляли здесь 34,8% населения, а отпрыски родителей-мигрантов - еще 9,2%. Об-

следование 1975 г. показало, что 38% жителей Каталонии родились за ее пределами, и т.д. Неудивительно, что в условиях монополии кастильского языка, скученности приезжих в особых кварталах и других факторов значительная их часть сохраняла свой исходный лингвистический облик. Это даже давало в свое время основание некоторым, в том числе и советским, наблюдателям говорить об умышленно организованном франкистами "затоплении" баскских и каталонских земель, имевшем целью растворить басков и каталонцев в массе испаноязычных мигрантов и таким образом решить "национальный вопрос" в обоих регионах. Справедливости же ради нужно заметить, что миграционный поток в Страну басков и Каталонию начался задолго до Франко: к примеру еще в 1890 г. в населении Бильбао - крупнейшего города и промышленного центра Страны басков - уроженцы последней составляли лишь 59%; 10 лет спустя их доля снизилась до 51%.

Как бы там ни было, но к 1979 г. в баскских провинциях на эускере говорил лишь 31% местных жителей; вместе с понимающими язык /но не говорящими на нем/ их было 36%, тогда как 62% здешнего населения вообще не знали баскского языка. В середине 1970-х годов в каталонской столице Барселоне только 39% горожан говорили по-каталански и могли писать на этом языке.

Низкая престижность "неофициальных" языков Испании в глазах многих жителей страны, уменьшение доли их носителей в самих зонах их распространения в результате иноязычных миграций извне, архаичность, затрудняющая их использование в важнейших областях современной жизни, отсутствие или недостаточная авторитетность единой общепринятой нормы и многие другие серьезнейшие проблемы, в различных сочетаниях для каждого конкретного случая, воспринимаются, по сути дела, как следствие одной причины: обеспеченной политическими средствами монополии одного языка, провозглашенного в свое время государственным, единственным официальным, и ставшего фактически олицетворением неделимости нации и даже полити-

ческой лояльности.

Едва лишь в 1960-е годы несколько ослаб - в связи с "либерализацией" - железный обруч авторитарного режима, в образовавшуюся щель устремилась активность сторонников культурно-языкового возрождения испанских регионов. Власти терпели ее постольку, поскольку она развивалась в "фольклорных" рамках и не посягала на политическую систему. Важнейшие рычаги монополии кастильского языка - делопроизводство, государственное просвещение, средства массовой информации - оставались, за небольшими исключениями, нетронутыми. Вместе с тем в течение 1960-х - начала 1970-х годов осуществлялся поворот сознания широких слоев населения страны к поддержке местной самобытности, включая языковую.

С началом процесса автономизации децентрализация охватила и лингвистическую сферу, и местные языки с различной - в зависимости от конкретных обстоятельств - интенсивностью стали проникать в перечисленные выше "официальные области", до сих пор почти безраздельно принадлежавшие кастильяно. Проблемы, порожденные этим процессом, оказались достаточно многообразны, особенно в первые годы после его начала. нас интересуют, разумеется те из них, которые затрагивают отношения различных групп населения по поводу языка. В этом смысле привлекает внимание конфликт, в наиболее выраженной форме наблюдавшийся в Валенсии. Здесь выступили друг против друга, с одной стороны, те, кто считал исконный язык обитателей своего региона диалектом каталанского /как это признается и испанской, и мировой наукой/, - и те, кто настаивал на признании его самостоятельным, возникшим совершенно независимо в незапамятные времена. Предлагавшаяся последними языковая "модель" представляла собою, по мнению их оппонентов, всего лишь сильно кастилизированную, игнорирующую существующие орфографические нормы каталанского языка "уличную" речь местных горожан. В термин для обозначения языка коренных валенсийцев - "валенсиано" - обе стороны, таким образом, вкладывали разное содержание. Но именно этим тер-

мином был обозначен второй, наряду с кастильским, официальный язык на территории Валенсии. Противостояние двух языковых моделей продолжалось некоторое время с переменным успехом, пока новое автономное правительство не положило ему конец, официально признав общекаталанские орфографические нормы для валенсийского языка. Сходный в принципе конфликт, но в гораздо более мягкой форме, отмечен в Галисии. Как следует из писем в центральные органы печати, какая-то часть местных уроженцев, будучи гальегоязычной, не понимает того галисийского языка, на котором пишет или говорит так называемая "интеллектуальная элита" и который утверждается как нормативный. Дети многочисленных эмигрантов из Галисии, отправившихся в свое время на традиционные для этого региона долгосрочные заработки за границу, обнаруживают по возвращении, что не понимают речи своих земляков.

Не менее серьезную проблему представляет собою положение кастильскоязычных граждан — и коренных жителей, и приезжих, — в тех регионах, где местные языки получили статус официальных. В силу упомянутых выше особенностей исторического развития испанского государства число этих людей в каждом случае весьма значительно, а кое-где — как, например, в Стране басков и Наварре, в ряде районов Каталонии и Валенсии — оно превышает количество носителей соответственно баскского и каталанского языков. Мало того, по понятным причинам определенная часть кастильскоязычных жителей автономных регионов занимала там достаточно высокое социально-профессиональное положение. Поэтому не вызывают удивления сообщения о недовольстве акциями автономных правительств по "официализации" местных языков. Так, в Галисии сторонники сохранения статус кво /то есть доминирования кастильского языка/ апеллировали к общественному мнению страны и к властям. Они выражали возмущение "воинствующим гальегизмом"; провозглашенная в регионе "лингвистическая нормализация", по их мнению, отлучала от Галисии ее кастильскоязычных детей. Раздавались протесты против повсе-

местного навязывания гальего, чем, по мнению противников этого процесса, занимаются практически все политические партии и движения в условиях, когда галисийский стал языком политики. Видимо, защищая интересы недовольных, совет министров Испании обратился к региональной Шунте /местному правительству/ с просьбой отменить ее решение об обязательном введении в школьное обучение по крайней мере двух предметов на гальего, - но получил отказ.

В Стране басков с 1979 г. началось подключение к изучению баскского языка и - в значительно более скромных масштабах - к обучению на баскском языке государственных и частных школ. Вводя эускереу на разных уровнях обучения, школьные власти особенно заботились о дошкольниках и учениках начальных классов. Поскольку лишь небольшая часть учителей к началу 1980-х годов владела баскским языком, подавляющее большинство вакантных мест в педагогических коллективах стало резервироваться для баскоязычных учителей. Одновременно автономные правительство субсидировало густую сеть приобщения к баскскому языку взрослого населения, в том числе вечерние курсы, центры интенсивного обучения и т.д. В университетах, как только позволяло число баскоговорящих студентов, немедленно начинались занятия на баскском по самым разным предметам - и т.п. Обильно финансировались баскоязычные телевидение, кино, театральные труппы и вообще все культурные объединения, высказавшие намерения укреплять своей деятельностью позиции баскского языка. Множилось количество печатных изданий, периодики на эускере. Официальные документы все чаще публиковались на двух языках. Как сообщает печать, от региональных чиновников их начальники стали требовать знания баскского языка, советуя им заниматься эускерой вне рабочего времени; среди кастильскоязычного населения возникли опасения, что незнание баскского языка станет поводом к дискриминации при найме на работу в государственные учреждения.

В Валенсии оппозиционные местным властям политические силы высказались против обязательного обучения в школах ва-

ленсийскому /каталанскому/ языку, утверждая, что это дискриминирует кастильскоязычное население.

С большими трудностями шел процесс "реабилитации" каталанского языка и в самой Каталонии. Как и в других регионах, его тормозил не только центр, но и целый ряд местных учреждений. Едва лишь появился в печати проект автономного статуса Каталонии, как Нотариальная коллегия Барселоны потребовала убрать из него положение об обязательном знании местного языка нотариусами. В дальнейшем нотариальные конторы постоянно затрудняли гражданам возможность воспользоваться своим законным правом и составить необходимый документ по-каталански, заставляя их в таких случаях ждать значительно дольше, чем если бумага была на кастильском языке. Коллегия инженеров опротестовала требование местных властей экзаменовать кандидатов на вакантные места, среди прочего, на знание каталанского языка, - и т.д., вплоть до того, что в марте 1981 г. был опубликован "манифест" двух тысяч трехсот лиц свободных профессий и интеллектуалов, проживающих в Каталонии, об имеющей здесь, по их словам, место дискриминации кастильскоязычного населения.

Нужно сказать, что в то время, когда раздавались подобные обвинения в дискриминации, кастильский язык отнюдь не утратил доминирующих позиций в региональных обществах. Так, в момент выхода упомянутого "манифеста" лишь в одной из каждых десяти школ Каталонии велось преподавание на каталанском языке, в остальных же он изучался как иностранный.

Интересно, однако, что в сравнении с количеством носителей кастильскоязычного населения сопротивление эмансипации местных языков было невелико, и в наиболее острых формах ощущалось только в начале их "официализации". А подавляющее большинство кастильскоязычного населения принимает идущий процесс как должное и по мере сил участвует в нем. И происходит это вовсе не под давлением автономной администрации. Так, всем известна чрезвычайная трудность для изучения баскского языка; но при опросе в провинции Гипускоа еще в 1969 г., то есть в усло-

виях "незаконности" эускеры, когда центры по его изучению /так наз. икастолы/ могли существовать только на частные средства, не просто не получая от властей никакой помощи, но испытывая всевозможные помехи, а то и подвергаясь преследованиям, 70-80% ~~всех~~ проживающих здесь мигрантов высказались за обучение своих детей баскскому языку в школах.

Опрос десятью годами позже, обитателей баскоязычного ареала, не знающих эускеры, вполне подтвердил эту тенденцию. Выяснилось, что

75% из них - хотели бы знать баскский язык,

83% - хотели бы, чтобы его знали их дети,

86,5% хотели бы его сохранения и распространения,

90,5% высказались за двуязычие в обучении, за баскский язык в управлении, делопроизводстве, средствах коммуникаций.

Отметим, что когда в начале 1960-х годов в Стране басков появились первые икастолы, их учениками были главным образом баскоязычные дети; немногие кастильскоязычные их товарищи, оказавшиеся здесь в результате сознательного выбора со стороны их родителей, вынуждены были как бы погружаться в иную лингвистическую среду. Но в дальнейшем икастолы стали возникать там, где баскский язык едва теплился или же где его не было вовсе. Число кастильскоязычных учеников стало доходить до 90% и выше. Бывало и так, что эускеры не знал никто, кроме учителей.

При такого рода "языковых установках" нас уже не может удивить, что на первых же выборах в автономный парламент, весной 1980 г., баскские националистические партии получили довольно большую поддержку в мигрантских кварталах городов Страны басков, и со временем эта поддержка продолжала нарастать. По сообщениям на конец 1980-х годов, в ряде городов Страны басков /Эрнани, Рентерия и др./, где подавляющее большинство населения состоит из мигрантов, едва ли не всю общественную жизнь контролируют крайние националисты из пар-

тии "Эрри Батасуна", исповедующие, помимо прочего, баскоязычную культурную модель для своей организации и для всех обитателей своей родины. Их влияние настолько велико, что даже заседания некоторых комиссий местных аюнтаменто проходит исключительно на эускере, так что составляющие меньшинство депутаты от других партий, члены которых и так ощущают себя здесь "как в гетто", оказываются вынужденными просить о переводе на кастильский. А между тем 76% жителей тех же населенных пунктов пока не владеют баскским языком, несмотря на все предпринимаемые усилия.

Поскольку качественно сходные, хотя и отличающиеся по масштабам и по конкретным проявлениям, ситуации мы встречаем и в других лингвистически самобытных регионах страны, нет оснований сомневаться, что перед нами - весьма влиятельная тенденция, опирающаяся на весь исторически сформировавшийся строй общественных отношений в Испании. В соответствии с этой тенденцией, во многих случаях именно соседская, земляческая, областническая связь берет верх над всеми остальными; общность по территории проживания оказывается сильнее языковых, культурных различий, даже различий в происхождении.

Не будет, по-видимому, ошибкой заключить, что языковые конфликты в Испании в подавляющей своей части не носят этнического характера /в нашем понимании/, то есть не являются формой противостояния разноязычных народов-этносов, - а отражают, скорее, в каждом случае различные языковые ориентации отдельных групп в рамках той или иной региональной общности, причем эти ориентации ощутимо меняются в зависимости от изменения внешних обстоятельств. Правда, региональной общности практически повсюду противостоят поселившиеся в ее среде мигранты, не порвавшие связи со своей "малой родиной" и продолжающие идентифицироваться по месту, откуда приехали; но и эта оппозиция не является этнической, а кроме того, с течением времени, как правило, постепенно сходит на нет.

Соотношение "этничности" и "регионализма" в Испании, а

также практика решения языковых проблем хорошо видны на примере долины Арана – пограничной с Францией каталонской комарки, жители которой говорят на окситантском языке. Уже после получения Каталонией автономии эти люди неожиданно для всех заявили о том, что не считают себя каталонцами, что они аранцы и требуют для себя самоуправления, а для своего языка официального признания. Но право на автономию дает им, по их мнению, не принадлежность к особому этносу, а грамота XIV в., дарованная тогдашним арагонским королем Хайме Вторым как законным сеньором долины Арана: "Правьте вашими землями и вашими лесами". Лишь в 1845 г. долина была включена, без согласия ее обитателей, в каталонскую провинцию Лерида, и теперь местные жители считают, что пришло время восстановить историческую справедливость. При том, что большинство каталонцев только сейчас узнало о существовании аранского языка, долина получила в пределах региона "автономию первой категории", со своим Генеральным Советом. На выделенные каталонским правительством средства здесь началась активная подготовка кадров для того, чтобы местный язык смог занять свое место в делопроизводстве, школах, церкви, печати и т.д.

Процессы, происходящие в Испании в последние десятилетия и особенно усилившиеся в ходе "автономизации", дают основания как испанским, так и другим исследователям говорить о повышении роли этнического фактора в жизни населения страны. Так, американский испанист считает, что Испания сейчас является "местом наиболее активного этногенеза в современном мире". По его мнению, новый конституционный режим означает создание условий, поощряющих выражение региональных требований в этнических терминах.

"Этнизация" по-испански – это повышение значения особенностей местной /областной, региональной/ культуры в сознании данной локальной общности, повышение интереса к ним, стремление культивировать и защищать их как неотъемлемое достояние своего региона. Однако представление о населении Испании как о совокупности народов-этносов, об этнической

принадлежности как основной и обязательной черте в характеристике личности, о том, что эта принадлежность определяется генетически, то есть "по крови", - остается чуждым сознанию жителей страны, включая и местных ученых, и представителей власти. Отсутствие взгляда на "этничность" как на неотъемлемый и важнейший атрибут и индивида, и общества в целом - что вполне соответствовало истинной роли здесь этнического фактора - обусловило то обстоятельство, что испанское государство никогда не считало необходимым придавать политическое значение "этническому началу", то есть разделять все население страны на "этнические общности", превращать их в субъекты политической жизни, закреплять за ними занимаемые ими территории и т.д. На мой взгляд, сравнение СССР с Испанией убедительно свидетельствует, что трактовка "этничности" в нашей стране, политика администрации в "национальном вопросе" играют роль мощного стимулирующего, этнообразующего фактора, "педалируют" этнизацию общества. Испания же демонстрирует значительно более естественный ход событий в этнической сфере, при котором "этнический элемент" не вводится в политическую жизнь государства и остается частным делом личности - что ничуть не противоречит его сути, зато очень облегчает человеческое общежитие.

Нужно сказать, что разграничение прерогатив между государством и автономными правительствами было и продолжает оставаться предметом бурных обсуждений, споров и разногласий; чиновники разных уровней центральной администрации всячески тормозят процесс передачи рычагов реальной власти **на месте**. Тем не менее общая тенденция состоит в постепенном отвоевании у государства все новых уступок в пользу автономии, при этом достижения одного сообщества рассматриваются другими как прецедент. На 1993 г. намечено значительное расширение прав автономий; в это время вступит в силу новая система их финансирования, призванная укрепить их положение. В настоящее время автономизация в Испании оценивается как нечто большее, чем простая децентрализация: автономные образования получают, по мнению наблюдателей, определенные час-

ти государственной власти, в том числе – законодательной. В каждом регионе всеобщим голосованием избирается местная законодательная ассамблея, перед которой несут ответственность президент /избираемый из членов ассамблеи/ и возглавляемый им правительственный Совет, осуществляющий исполнительные и административные функции. По сути дела, как отмечается в испанской прессе, речь идет о полупрезидентских системах, о совокупности республик в рамках монархии. В ведении местных правительств находятся вопросы сельского хозяйства, животноводства, урбанизации и жилищного хозяйства, культуры, транспорта, экономического планирования, охраны окружающей среды и многие другие; в конечном счете – все, что не входит в оговоренную статьей 149 исключительную компетенцию государства. Интересно, что многие пункты этой статьи содержат ограничение в виде оговорки об обязательном учете законодательства автономных сообществ. Так, охрана общественной безопасности /пункт 29/ предусматривает возможность создания автономной полиции – и в Стране басков уже развернута собственная сеть службы безопасности и прошли переговоры о выводе с баскской территории государственных полицейских формирований, а в Каталонии государство согласилось финансировать создание и содержание местной полиции, тогда как автономное правительство взяло на себя охрану каталонских тюрем, – и т.д.

Вместе с тем установлено, что в случае конфликта государственного и автономного законодательства в сфере, не оговоренной конституцией как исключительная прерогатива автономного сообщества, государственные нормы имеют большую юридическую силу. Предусмотрены /статья 155/ возможности "защиты общегосударственных интересов" в случае нарушения их со стороны автономного сообщества.

Все сказанное выше составляет, так сказать, основной круг проблем, относящихся к нашей теме, – но не исчерпывает ее. В стране проживают – одни издавна, другие с относительно недавних пор – группы населения, по тем или иным характеристикам отличающиеся от основной массы ее жителей, отчуж-

денность от которых сильно сказалась на их облике и социальном положении. Среди них - так наз. "бакейрос де альсада" западной Астурии и "насьегос" Кантабрии - горные скотоводы, издревле практиковавшие частые сезонные перекочевки; образ жизни, культура и даже особенности языка этих людей резко выделяли их из среды окружающих - оседлых земледельцев; так наз. "марагатос" Леона, мужским отхожим промыслом которых была транспортировка товаров на мулах по всей стране; "шуэтак" о. Мальорка, далекие предки которых перешли в христианство из иудаизма; "негры" андалусийской провинции Уэльва, давным-давно не отличающиеся по внешнему виду от своих соседей; "урданос" Эстремадуры - жители глухой, изолированной местности в труднодоступных горах; "аготы" Наварры - и т.д. Некоторые из этих групп насчитывали по нескольку тысяч человек. Практически все они подвергались дискриминации и разного рода ограничениям - в том числе унижительным и жестоким - со стороны соседей, а иногда и местных властей, и были практически эндогамны. Для обоснования негативного отношения к ним практически всем им приписывалось порочащее их происхождение (от мавров, прокаженных, дезертиров, беглых рабов и т.д.). Центральное правительство не раз за последние столетия пыталось, с помощью указов, защитить эти группы и уравнять их в правах со всеми остальными гражданами страны - но, как правило, безуспешно. Не случайно в Испании за ними закрепилось общее название - "проклятые народы" ("

Однако то, чего не смогла достичь королевская администрация, сделали время и та направленность общественно-экономического развития, которую избрала страна на рубеже 1950-1960-ых годов. Разрушение традиционного уклада жизни, в первую очередь - в сельском хозяйстве, новая система ценностных ориентаций означали и разрушение основы, на которой держались прежние стереотипы. От былых предубеждений, как свидетельствуют испанские исследователи, остались в большинстве случаев лишь отголоски.

Не так обстоит дело еще с одной категорией жителей страны, и сейчас сохраняющих специфику, взаимосвязь и некоторую обособленность от подавляющего большинства испанцев. Это, в первую очередь, довольно многочисленные цыгане, а также евреи-иудаисты, мусульмане, негры-африканцы и др. Что касается цыган, то их обычно также включали в число упомянутых выше "проклятых народов". Первые дискриминационные и репрессивные королевские указы против цыган относятся еще к 15 веку. Вплоть до 1978 года сохранялось действие специального приказа, адресованного жандармерии и предписывавшего вести особое наблюдение за цыганами, их деятельностью и передвижением. Королевский декрет от 11 января 1979 г. о создании межминистерской комиссии по изучению проблем, связанных с цыганами, стал "первым законодательным актом в пользу цыган за все 500 лет их пребывания в Испании". В октябре 1985 г. испанский парламент принял национальный план помощи развитию цыганской общности и утвердил создание специальных административных структур для реализации этой цели.

Евреи-иудаисты (ок. 12 тыс.) организованы в 12 общин /по городам проживания/, во главе каждой из которых - выборный комитет: 12 человек, на трехлетний срок. Община располагает синагогой, кладбищем, магазинами кошерной пищи и т.д. Все общины объединены в федерацию, глава которой является ее представителем перед центральной администрацией.

Более широко представлены в испанской общественной жизни мусульмане, по преимуществу арабы. В Андалусии они организованы в ассоциацию, которая участвует в выборах в региональный парламент, имея в программе пункт о восстановлении мусульманского государства в южной части Пиренейского полуострова. Сейчас на территории страны более 20 мусульманских молельных домов и мечетей.

В последнее время министерство внутренних дел Испании разработало также специальные программы для дисперсных групп, проживающих на испанской территории /цыгане, индийцы, африканцы, евреи, мусульмане и некоторые другие/. Ставится зада-

ча установить точную численность, изучить проблемы, вложить средства в социальные нужды и т.д. Важное значение при этом придается тому, чтобы в качестве посредника найти в каждой группе человека, приемлемого для всех представленных в ней течений и точек зрения, и именно с ним вести переговоры.

Статья публикуется с незначительными сокращениями. Полный текст будет опубликован в коллективной монографии "Народы и государства: опыт регулирования межэтнических отношений в современном мире".